

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Д Ж О З Е Ф
НОКС

Сирены

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Н 79

Joseph Knox
SIRENS
Copyright © 2017 by Joseph Knox
All rights reserved

Перевод с английского Елены Матвеевой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16994-4

© Е. В. Матвеева, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Джоанне

Прошлое стало частью будущего, а настоящее
вышло из-под контроля.

Joy Division. «Сердце и душа»¹

¹ *Joy Division* — культовая британская постпанк-группа из Манчестера (1976–1980); «Сердце и душа» (англ. «Heart and Soul») — песня со второго, и последнего альбома «Closer» (1980).

Потом я снова стал дежурить по ночам. При свете дня мне веры больше не было. Я выезжал на вызовы в четыре утра, ходил вверх-вниз по замершим эскалаторам и старался не думать. Когда-то у меня это хорошо получалось. Спустя несколько месяцев я ошеломленно заметил, что дыхание вырывается изо рта облачками пара. Вернулся ноябрь.

— Погода дрянь, — буркнул Сатти, отказываясь вылезать из машины.

С неба сыпало то градом, то слякотной моросью. Сегодня хлынул ливень. Струи сверкали в ночных огнях, смывали грязь с тротуаров. Очень кстати. Напарник протянул мне газету, и я вышел под дождь, держа ее над головой вместо зонта.

Мы приехали на вызов управляющего благотворительным секонд-хендом. Управляющий говорил, а я смотрел, как двигаются его губы. Он хотел, чтобы я отогнал от входа бомжей, прятавшихся от дождя. Какой в этом смысл, было не очень понятно, но я и не вникал. Из ноздрей управляющего торчала густая черная поросьль, будто он решил отпустить гитлеровские усики. Я посмотрел на парочку, спящую под дверью, сказал управляющему, что он отнимает время у полиции, и под дождем вернулся к машине.

Там я первым делом вручил Сатти мокрую газету — за то, что не пошел со мной. Он одарил меня тем еще взглядом, а затем уставился на сложенную, насквозь промокшую страницу.

— Видел? — Он сунул газету мне под нос. — Врагу такой смерти не пожелаешь.

Фотографию размыло дождем, текст тоже, но девушку я узнал: одна из трех, с которыми я свел краткое знакомство в прошлом году. В заголовке говорилось, что погибшей было двадцать три года. Мы с ней встретились, когда ей было двадцать два. Я взглянул в окно, на очередной ноябрь. Она была последней. Сатти склонился над газетой, громыхнул замогильным кашлем и потребовал:

— Ну, выкладывай. Что на самом деле произошло?

Я пристально посмотрел на него:

— Не того спрашиваешь.

Я знал лишь то, с чего все началось год назад. Три моих прокола. Все те причины, которые не позволили мне отказаться. Я не мог объяснить, как эти девушки, эти женщины мимолетно вошли в мою жизнь. Мимолетно ее изменили. Сатти не понял бы, над чем они смеялись, чему возмущались, что скрывали. Остаток ночного дежурства я смотрел на прохожих, на женщин, на девушек, воображая, что вижу непрожитые жизни.

До дома я добрался под утро, налил себе выпить и сел. Переключал радиостанции, пока не понял, что дальше тянуть некуда. Снова прочел заметку в газете и впервые за много месяцев позволил себе задуматься по-настоящему.

«Ты меня убил», — сказала она тогда.

Что же на самом деле произошло?

I НЕИЗВЕДАЕМЫЕ УДОВОЛЬСТВИЯ¹

¹ «Unknown pleasures» (1979) — дебютный студийный альбом группы *Joy Division*.

Какая-то парочка перешла на другую сторону дороги, подалее от меня; в чьем-то кармане звякнула мелочь.

Улица, которую видишь каждый день, выглядит незнакомой, если смотреть на нее, уткнувшись носом в тротуар. С минуту я соображал, где нахожусь. Слякоть подмерзла. Стелился густой туман, размывал очертания предметов, странным образом преображал все вокруг. Город утратил резкость, очередной пятничный вечер лишился ярких огней.

Левая рука занемела. Я перевернулся на бок и посмотрел на часы. Циферблат разбит. Скорее всего, часы остановились из-за удара при падении. Если прошло всего несколько минут, у меня еще есть время. Можно переодеться в сухое и прийти в бар задолго до передачи товара. Я поднялся, держась за стену. Физиономию перекосило от боли, мозги телепались в черепе, стирали ПИН-коды и имена друзей детства.

Парочка скрылась в тумане. Несмотря на соцсети, камеры наблюдения и бдительное государство, мы по-прежнему живем в мире, где можно исчезнуть, если захотеть. Или не захотеть. Пресса разнюхала обо всем месяц назад.

Вот уже месяц, как я исчез.

Я ощупал затылок. Били с размаху, сильно. Бумажник остался в кармане. Значит, меня не ограбили, а предупредили. Вокруг не было ни души, но я чувствовал, что за мной наблюдают.

Улица качнулась. Я ухватился за фонарный столб. Потом с закрытыми глазами побрел куда-то, ничуть не опасаясь на что-то наткнуться.

Завернув за угол, я сообразил, что попал на Бэк-Пиккадилли. Закопченные временем кирпичные дома, наружные пожарные лестницы. Здания стеной высились по обе стороны узкого проулка, создавая клаустрофобический проход. Вечерняя морось сияла в лунном свете. Ностальгия подталкивала меня дальше. В конце проулка виднелась круглосуточная кофейня. Я захаживал в нее в той, другой жизни, но уже много лет там не появлялся. Город так изменился, что знакомых я бы точно не встретил.

Я прошел несколько шагов по проулку. За спиной заурчал автомобильный мотор, будто разминаясь, прежде чем ровно зарокотать. Проулок залило светом, изпод ног скользнула кривая тень.

Она была тоньше, чем помнилось.

Я обернулся на слепящий свет фар. Машина стояла в самом начале проулка, будто проверяя, нет ли тут чего интересного. Я зашагал дальше. Дошел почти до середины, и лучи света дрогнули. Поползли вслед за мной.

Мотор взревел, машина подъехала совсем близко. Судя по звуку, между нами оставалось несколько шагов. Я вдруг понял, что для некоторых никуда не исчезал. Свет фар опалял спину. Не хотелось оборачиваться и смотреть на водителя. Я боялся его узнать.

Я вжался в нишу в стене, пропуская машину. Несколько секунд она оставалась на месте. Щурясь от

света, я разглядел черный «БМВ», сверкающий хромом. Ночь заполняла легкие. Кровь пела в венах. Стекло в машине опустилось, но кто внутри, я не разглядел.

— Детектив-констебль Уэйтс? — произнес мужской голос.

— Кто спрашивает?

С пассажирского места послышался женский смех:

— Тут вопросы задаем мы, красавчик. Садись.

Капли дождя стучали по лобовому стеклу, строили мне рожицы. Я обмяк на заднем сиденье. Чувствовал, как истончаются и слабеют вены. То и дело сжимал руку в кулак, больше для развлечения. Мечтал о спидах в кармане куртки.

— Правду, значит, говорят? — спросил водитель, будто читая мои мысли.

На вид ему было около пятидесяти. Всякий раз, поворачивая руль, он поводил широкими плечами, будто штангист, берущий вес. Угольно-серый приталенный пиджак, в тон темной шевелюре. Время от времени водитель поглядывал в зеркало заднего вида, куда-то сквозь меня. У женщины были светло-русые волосы, деловито собранные в хвост.

Я ничего не ответил.

Мне стало зябко в промокшей одежде. Пришлось стиснуть зубы, чтобы не стучали. Единственной вещью, которая не вязалась с новехоньким автомобилем, был полицейский сканер с выключенным звуком. Пахло дорогими духами с ноткой ванили, но какими именно, я не мог вспомнить. Они не подходили ни одному из людей, сидящих впереди. От аромата веяло деньгами, веяло молодостью.

Мы целенаправленно удалялись от того места, где я только что был. От ночной жизни, от ярких огней. Мимо пустых магазинов и местных лавчонок, то ли прогорающих, то ли прогоревших. Огромные пустующие здания. Умирающий центр города.

— Чего он хочет? — спросил я.

Водитель глянул на меня в зеркало:

— Не спрашивал.

Мы выехали на Динсгейт.

Длинная — больше мили — улица пересекает город из конца в конец. На ней есть все: от ресторанов, в которые пускают только по приглашению, до дешевых столовок и всевозможных вариантов, пролегающих между этими крайностями.

— А где он?

— В Битхэм-Тауэр.

Я невольно чертыхнулся.

— Похоже, ты там бывал, — сказала женщина.

Башня Битхэм-Тауэр, самое высокое здание за пределами столицы. Городские планировщики задумали возвести в городе комплекс высоток. По замыслу градостроителей, каждый следующий небоскреб должен был на несколько метров возвышаться над предыдущим, что создавало бы некое подобие гигантской серо-стальной диаграммы, символа нескончаемого роста. Застройщики надеялись заработать миллионы на продаже крошечных, непомерно дорогих квартир одиноким людям — нашему главному национальному достоянию. Однако архитекторы витали в облаках. Экономика обрушилась, владельцы, инвесторы и строительные компании разорились. Уровень самоубийств среди мужчин вырос, в остальном жизнь шла своим чередом.

С заброшенных строительных площадок разрывали металлолом, недостроенные каркасы ветшали,

в котлованах скапливалась дождевая вода. Ржавчина коркой запекшейся крови покрывала остовы. Битхэм-Тауэр возводили три года. Все считали, что здание не достроят. Однако, несмотря ни на что, оно высится над городом, будто показывая ему средний палец.

Мы свернули с Динсгейта и въехали в подземный гараж. В окошко заглянул приветливый парковщик, щеголеватый, как Фрэнк Синатра. Он сразу узнал водителя, перестал улыбаться и махнул, чтобы мы проезжали на нижний уровень.

Э

В Битхэм-Тауэр разместились отель «Хилтон», роскошные апартаменты, а на самом верху — пентхаусы, построенные по индивидуальным проектам.

Сама высотка узкая и стройная, но четыре нижних этажа гораздо шире основного корпуса. Это и понятно, ведь внизу располагаются бальный зал, бассейн и улыбочивые отпрыски элиты, составляющей два процента населения. Почти все стены вестибюля и бара сделаны из зеркального стекла — посмотрев в окно, увидишь только свое отражение.

Я здесь уже бывал.

В прошлом году. Девушка вылетела сквозь оконное стекло на девятнадцатом этаже и разбилась насмерть. Даша Ружичка, несовершеннолетняя проститутка, уроженка Чехии. Когда ей исполнилось четырнадцать, отец продал ее местному торговцу людьми, и Дашу провезли через всю Европу. В тех регионах девушки очень часто пропадают. Каждое исчезновение объявляют обычным уходом из дома. Исчезновение Даши объяснялось более прозаическими причинами.

Она была красива, но не той худосочной красотой, которую сейчас насаждают повсюду. Нет, она была воплощением истинной красоты. Проститутка с таким

лицом — золотое дно: несмотря на все унижения, она постоянно выглядит чистой и невинной. Главным недостатком моей работы было неотступное чувство гнетущего бессилия. Я хорошо знал, что с девушками и женщинами делают все, что угодно. Насилуют, избивают. Выбрасывают в окно. В кого мы превратились, если считаем красоту дурным качеством?

Я был уверен, что Даша не сама выбросилась из окна — у нее попросту не хватило бы сил пробить стекло своим телом. Однако гостиничный номер, в котором это случилось, был пуст. Я несколько часов допрашивал постояльцев и сотрудников гостиницы, имевших доступ на этаж. Когда задержанные толстосумы пожаловались начальству, мне на смену прислали инспектора. Я повел его в пустой номер на девятнадцатом этаже, попытался объяснить ситуацию.

Он не стал меня слушать, и тогда я решительно попытался к двери, неотрывно глядя на окно. На город внизу. Инспектор понял, что я собираюсь сделать, и заорал, приказывая остановиться. Я с разбегу бросился к окну — хотя бы для того, чтобы увидеть выражение лица инспектора, но он успел преградить мне путь, прежде чем я врезался в стекло.

Это был второй из трех проколов, которые в конце концов привели к сенсационным новостям на первых полосах газет. К моему полному позору. К тому, что никакой другой работы мне больше не светило.

Смерть Даши признали самоубийством. Расследование проводить не стали.

С тех пор я в Битхэм-Тауэр не был.

4

— Сержант уголовного розыска Конвей, — представилась женщина, протягивая руку для рукопожатия.

Мы ждали в вестибюле, а ее коллега разговаривал с девушкой-администратором. Вел себя слишком фамильярно для сотрудника Особого отдела. Со стороны огромной вращающейся двери донесся взрыв хохота — в вестибюль вошли какие-то типы в смокингах и принялись танцевать под люстрой размером с солидный легковой автомобиль. Я мечтал, чтобы она на них свалилась.

Конвей кивнула на своего напарника:

— Чего он с тобой так?

Тот как раз отошел от стойки администратора и направился к нам. Конвей тут же напустила на себя безразличный вид.

Лифт бесконечно долго поднимался на этаж с пентхаусами — в ту часть башни, где я прежде не бывал. Напарник Конвей воспользовался магнитной картой, которая давала доступ на этот высший уровень.

Приглушенная мелодия «My Heart Will Go On»¹ из «Титаника» постепенно смолкла, потом с новой силой

¹ «Мое сердце не перестанет биться» (англ.).

взвывла с самого начала. Кабину лифта, как и все остальное в здании, украшали зеркала и до блеска отполированная сталь.

Я рассматривал свои ботинки.

Лифт остановился на сорок пятом этаже. С драматическим свистящим шорохом раздвинулись двери. Механический голос занудливой училки еще продолжал вещать, а меня уже крепко схватили за локоть.

Сержант Конвей осталась у лифта, а мы пошли по длинному коридору, оформленному с изысканным минимализмом. Миновали две квартиры — на этаже их было всего три — и приблизились к строгой черной двери. Мой сопровождающий открыл ее магнитной карточкой и провел меня в холл огромной, совершенно безликой квартиры.

В прессе много писали об этих пентхаусах. Поселиться там могли только суперсостоятельные люди. Сама квартира вряд ли стоила своих денег, но платили не за нее. А за то, чтобы жить на высоте пятьсот футов. Чтобы иметь уникальную возможность смотреть свысока на миллионы людей или, если ты достаточно важная шишка, — чтобы они взирали на тебя снизу вверх.

Сумрачный холл подсвечивали неоновые огни города. Три стены зеркального стекла предоставляли панорамный обзор.

— Садись, — сказал угольно-серый человек.

Я остался стоять.

— Ладно, сейчас он к тебе выйдет. — С этими словами он повернулся и пошел к двери. Отворил ее ровно настолько, чтобы пройти, и тихо, но тщательно закрыл за собой.

Похвальная осмотрительность.

Я сразу же подошел к двери и посмотрел в глазок. Коридор был пуст. Я даже подумал, что мой сопровож-

дающий присел под дверь, но это было бы слишком нелепо.

— Мы одни, Уэйтс.

Я повернулся на голос. Темный силуэт говорившего выделялся на фоне подсвеченного неоновыми огнями неба.

— Фингал откуда? — спросил он с безупречным оксбриджским акцентом.

Я потрогал глаз:

— Я в нужное время попал в нужное место.

— А я уж подумал, что детектив Керник так выражает свою неприязнь.

— Похоже, он расстроился, что его опередили.

— Да, мне тоже так показалось. — Мой собеседник шагнул на свет и улыбнулся. — Позвольте представить себя. Дэвид Росситер, член парламента.

Я подошел к нему. Высокий, властного вида. Лет сорока пяти. Одет в строгий классический костюм. Излучает радушие грамотного политика. Он пожал мне руку обеими руками с уверенностью человека, который зарабатывает на жизнь общением с людьми. Ладони его были теплыми, но обручальное кольцо холодило кожу.

— Садитесь, — предложил он.

Я сел, он, чуть помедлив, — тоже.

— Интересно.

— Что, мистер Росситер?

— Я предложил вам левое кресло, а вы сели в правое. Зовите меня Дэвид.

Я улыбнулся и ощутил тупую боль в глазах.

— Вы, наверное, недоумеваете, зачем я пригласил вас, Эйдан...

— Уэйтс, — поправил я. — Вряд ли для того, чтобы поболтать о жизни.

— Что ж, пусть будет Уэйтс. Вы интересуетесь политикой?

— Только из крайней необходимости.

Он снова улыбнулся. Каждый раз, улыбаясь, он смотрел прямо на меня, давая понять, что я как-то по-особенному его удивляю. На фотографиях в газетах он так же смотрел на военных преступников.

— В таком случае мое имя вам вряд ли знакомо.

— Дэвид Росситер, член парламента.

— А что вам известно о моей карьере? — поинтересовался он, напирая на последнее слово.

— Только то, что пишут в газетах.

— Вы, как никто, знаете, что не следует верить газетам. Коррупцированный детектив Эйдан Уэйтс...

Я невозмутимо продолжил:

— Ваш отец был членом парламента и неплохо на этом заработал. Вы же оказались более идеалистичны — ваш брат уже всюю занимался большой политикой, а вы еще промышляли адвокатурой. Женились рано и удачно. Хотя, полагаю, неудачно жениться на наследнице водочной империи сложновато.

Снова улыбка.

— Вы пришли в политику в непростое время. Тори не были у власти четыре года до вашего прихода и еще четыре — после. И все же вы повысили авторитет старой гвардии. Не ходили по струнке, выступали за однополые браки, боролись за права женщин. Поддерживали иммиграцию. То есть проявляли ровно столько смелости, сколько нужно, чтобы попасть в кабинет правительства. Никто не удивился, когда вас назначили министром юстиции — вы ведь профессиональный юрист. Полагаю, не последнюю роль сыграло то, что вы хороший семьянин и отец двух очаровательных дочерей.

— Вам впору писать мою биографию... — Росситер осекся, заметив, что у меня дрожат руки, встал, подошел к бару в углу комнаты и налил два бокала коньяка.

— Спасибо, — сказал я, когда он протянул мне один.

— А у вас какие политические предпочтения? — спросил он, снова усаживаясь в кресло.

— Неопределенные.

— Колеблетесь?

— Политическая стратегия не решает тех проблем, с которыми сталкиваюсь я.

Росситер пригубил коньяк, посмаковал, проглотил.

— Вы предпочитаете спасти не весь мир, а конкретных людей?

Я кивнул:

— Типа того.

Он поерзал на месте:

— А что, если я расскажу вам об одном таком человеке? Которого очень нужно спасти?

— Есть много достойных людей, которые лучше меня справятся с этой задачей.

— Как я уже говорил, я не верю газетам.

Я отпил коньяка.

— Я бы сделал все возможное, однако с этим наверняка справится и ваш бравый малый в коридоре. Вероятно, дело не такое уж трудное.

Похоже, ему понравился мой ответ.

— Видите ли, Уэйтс, вы — единственный, кто может мне помочь. Вы знаете, кто такой Зейн Карвер?

Я не ответил.

— Сегодня утром я беседовал с вашим шефом, Паррсом, — продолжал Росситер. — Прекрасный человек.

— А почему я только сейчас об этом слышу?

— Вы неплохо маскируетесь. Детектив Керник несколько часов вас искал.

— Да-да, не привлекая излишнего внимания. В мере.

— Извините. Сотрудники Особого отдела лучше ориентируются в благополучных кварталах.

— А я — в неблагополучных.

— Поэтому вы и здесь...

— Я не вправе обсуждать Карвера, пока не поговорю с суперинтендантом Паррсом.

Росситер пристально посмотрел на меня, достал из кармана пиджака телефон и протянул мне.

— Лучше вы сами, — сказал я.

Он улыбнулся, отыскал номер в списке контактов и нажал «вызов». По своему обыкновению Паррс ответил сразу же.

— Ваш человек у меня, — сказал Росситер. — Выглядит соответствующе. Ведет себя очень убедительно. При исполнении, но от выпивки не отказался. Однако не желает обсуждать дела, пока не переговорит с вами. — Он снова протянул мне телефон.

— Сэр.

— Уэйтс, — глухо рыкнул суперинтендант Паррс и с раскатистым шотландским акцентом продолжил: — Окажите министру всяческое содействие. Поговорим завтра.

Он повесил трубку, и я вернул телефон Росситеру.

— Итак, Зейн Карвер, — напомнил министр.

— Наркодилер.

— Зачем он вам?

— Чтобы выйти на остальных, если повезет.

— Вам велено подобраться к нему поближе?

— По-моему, задание вот-вот изменится.

Росситер промолчал.

— Карвер преуспевает потому, что он такой один. Бизнесмен среди отморожков. Моя задача — сыграть на этом.

— И как же?
— Есть три способа. Если грамотно надавить на него, он может сдать других дилеров. Он не самый влиятельный и не самый умный из них, но может подставить кого-нибудь покрупнее. Или сообщить, кто из полицейских работает на него. И самое интересное: возможно, он просто крышует.

— Кого?

— За ним могут стоять еще человек десять, о которых мы даже не слышали.

— Интересно, ради чего вы на это согласились? В смысле, теперь, когда ваше имя запятнано...

— Мое имя изначально мало что стоило. Итак, зачем я здесь, мистер Росситер?

Он снова сделал глоток, клацнув зубами о край бокала.

— Что вам известно о моей дочери? Младшей, Изабель?

— Хорошенькая, совсем юная. Восемнадцать, девятнадцать?

— Семнадцать, — поправил он. — И связалась с этим типом, Карвером.

— Так она же несовершеннолетняя. Вызовите патрульную машину, пусть привезут ее домой.

— Суперинтендант Паррс предложил то же самое. Боюсь, тут надо действовать тоньше.

В панорамные окна ударили крупные капли. Сначала единичные, они становились все тяжелее, стучали все чаще, и вскоре комнату окутала пелена дождя. Я ждал.

— Такой начитанный человек, как вы, скорее всего, помнит, в связи с чем Изабель в последний раз упоминали в новостях.

— Она упала в обморок, — сказал я. — От переутомления.

Росситер не шелохнулся.

— Попытка самоубийства?

Он кивнул.

— Изабель страдает депрессией. В какой-то степени это наследственное, по материнской линии. Попытки самоубийства были и раньше, но такая серьезная — впервые. Много крови, много шума. Разумеется, газетчики пронюхали. Мы скормили им версию переутомления. — Он смотрел куда-то в сторону, видимо заново переживая случившееся. — Я лично встречался с главными редакторами, умолял их.

— Представляю, как это тяжело, — сказал я.

— Правда? — Он посмотрел на меня, переформулировал вопрос: — А знаете, что самое страшное? Страшнее того, что ваша дочь ножом пропоролла себе шею?

Я покачал головой.

— Самое страшное — когда дочь возвращается домой из больницы и ненавидит вас за то, что вы спасли ей жизнь. — Он допил коньяк. — Мы с ней тогда поговорили, Уэйтс. Она сказала, что понимает свое состояние, понимает, что ее ждут тяжелые дни. И очень спокойно объяснила, что этот день был не из таких. Она все прекрасно осознавала и не могла простить мне, что я вызвал «скорую».

— Долгой же была та извилистая дорожка, которая привела дочь министра к Зейну Карверу.

— Да, дорожка была и долгой, и извилистой, — кивнул Росситер. — Моя дочь познакомилась с ним через кого-то из друзей. Насколько мне известно, она уже месяц живет в Фэйрвью.

— Месяц?

Он промолчал.

Фэйрвью — так называлась резиденция Карвера. Большой викторианский особняк в южном пригороде,

полном молодежи и студентов. Дом Карвера приобрел скандальную известность благодаря вечеринкам, куда стремились попасть все, от университетских сердцеедов до местных знаменитостей.

— Не знаю, что обещал вам Паррс, но мне даны указания не лезть в гуцу событий. Я слежу, как передают деньги за товар, выпиваю с дилерами помельче...

— Оно и видно, — сказал он. — Но с сегодняшнего дня ваша задача изменилась. Придется перейти черту. Еще больше запятнать себя. Вступить в контакт с ключевыми фигурами.

— И с вашей дочерью?

— Нет, нельзя, чтобы домой ее вернула полиция. Слишком рискованно.

— При всем уважении, сэр, если газетчики однажды уважили ваши просьбы, то проявят понимание и в этот раз. Да и вообще, что значит скандал по сравнению с тем, что она вернется?

— Скандал? — переспросил Росситер. — Да я, не задумываясь, ушел бы в отставку, если бы это помогло вернуть Изабель.

Я верил ему и пропустил первый тревожный звонок. Таким тоном говорят о покойниках.

— Не хочу, чтобы из-за меня она наложила на себя руки, — сдержанно сказал он. — Понимаете?

Может быть, если бы я отчетливо видел его лицо, то понял бы, но нас окутывала тьма.

Я пожал плечами.

— Вы молоды. Вот погодите, на все будете готовы ради своих детей.

— И что же я должен сделать ради ваших?

Он помолчал, будто бы тщательно обдумывая ответ.

— Можете подобраться к ней? Проверить, все ли в порядке?

Нокс Дж.

Н 79 Сирены : роман / Джозеф Нокс ; пер. с англ. Е. Матвеевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 448 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-16994-4

Впервые на русском — «лучший британский дебют в жанре детектива за долгие годы» (*Crimescene Magazine*), «нуар острый как бритва, нечто совершенно из ряда вон» (Ли Чайлд).

Детектив-констебль Эйдан Уэйтс попался на краже кокаина из сейфа с вещественными доказательствами; теперь Эйдану грозит увольнение из полиции, а то и под суд могут отдать. Отличное прикрытие для того, чтобы внедриться в опутавшую весь Манчестер наркоторговую сеть, известную под названием Франшиза, и выявить в рядах полиции «крота», благодаря которому Франшиза и ее глава Зейн Карвер вот уже десять лет остаются безнаказанными. А заодно — без шума, неофициально — попытаться вернуть домой Изабель, месяц как пропавшую дочь министра юстиции Дэвида Росситера: говорят, ее видели в Фэйрвью, викторианском особняке Карвера. Эйдан находит Изабель — и понимает, что девушка чего-то смертельно боится. Сможет ли он ее спасти, если он и сам-то спастись не в силах?

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОЗЕФ НОКС
СИРЕНЬ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Александра Питчер
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Лариса Ершова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.08.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-RBD-25481-01-R